

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Вячеславу Александровичу Динке, члену Союза писателей России, присуждена премии администрации Краснодарского края имени Епистимии Фёдоровны Степановой за значительный личный вклад в патриотическое воспитание населения.

ПАНОРАМА

● В библиотеке станицы Марьянской состоялся своеобразный «урок поэзии» с участниками литобъединения «Всеславины» и школьниками средней школы № 8 ст. Марьянской. Присутствовали увлеченные поэзией дети, учащиеся 8-11 классов. Со вступительным словом выступила работница библиотеки. Затем встреча проходила в свободном режиме. Особый акцент был поставлен на приближающемся празднике победы в Великой

Стихи читали вразнобой, на разные темы. Самое главное у детей светились глаза! Они искренне переживали и смеялись. Встреча удалась на славу. Осенью планируются еще встречи со школьниками.

● В музее Маяковского в Москве прошёл литературно-музыкальный вечер, организованный альманахом «СЕРБСКО-РУССКИЙ КРУГ», московским издательством «Вахазар» и белградским издательством «ИГАМ». Директор и главный редактор издательства «Вахазар» Андрей Базилюк. Он рассказал о большой роли литературы и, в частности, поэзии, в укреплении связей между нашими народами.

Среди выступавших были поэты-переводчики сербской поэзии: Жанна Перковская, Екатерина Польгуева, Людмила Барыкина, Майя Коренева, публицист Ольга Гарбуз. Звучала музыка в исполнении сербского гусляра Миломира Требишанина, сербские и русские песни исполнил сербско-русский дуэт Драгомир и Светлана Драгович. Вечере приняла участие поэт и переводчик Любовь Галицкая. Она рассказала, что приехала с Кубани, из Темрюка. Прочитала недавно написанные стихи о событии в Сербии «Предательство», а также стихи, посвящённые Косово. Выступление было принято очень тепло.

соб инфо

И наступило вдохновение...

В мае в Армавире состоялась встреча с председателем Краснодарского регионального отделения Союза писателей России Макаровой

Светланой Николаевной и членом правления КРО СПР, поэтом Мирошниковой Любовью Кимовной. На встречу с армавирскими читателями приехал и молодой писатель из Ростова-на-Дону Вадим Селин.

Этой встрече предшествовала большая подготовительная работа. Директор муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система» Нефедова Ольга Николаевна, заместитель директора по работе с юношеством Барсегян Римма Осиповна и заведующая отделом массовой работы Минина Татьяна Владимировна провели много мероприятий в рамках краевой библиотечной программы «Они писатели твои, Кубань!», которая действовала в течение двух лет. Целью конкурса было знакомство учащихся, молодёжи с кубанскими писателями: современными и прошлых столетий. Хотелось показать какой колорит носит эта литература, разнообразие литературных приёмов, художественных образов, созданных нашими земляками.

Финалом стал творческий конкурс «И наступило вдохновение», который проходил в два этапа, и вечер встречи с писателями «Литература сближает», где присутствующие смогли уже не по рассказам, а непосредственно пообщаться с ними, задать вопросы. И вот самый торжественный момент — награждение призёров и участников литературного конкурса «И наступило вдохновение». Волновались и участники и организаторы, потому что в нашем городе такое признание молодых талантов происходило впервые. Все номинанты получили рецензии, написанные профессиональными литераторами, 9 человек получили грамоты призёров конкурса, а 11 человек «Сертификат участника». Награды и подарки вручала Светлана Макарова, а Вадим Селин подарил каждому свои книги. Общение с писателями продолжилось в уже неформальной обстановке: беседы, автографы, фото на память.

Осталось лишь одно пожелание — встречаться чаще.

3. Катуржевская

СОБЫТИЕ

XV Всемирный Русский Народный Собор

В Москве завершил свою работу XV Всемирный Русский Народный Собор. Его участники — духовенство, писатели, режиссёры, общественные деятели — собрались для того, чтобы определить ценности, которые являются для России основными.

«Базисные ценности — основа единства народов» — так была сформулирована тема Собора. Глава Русской Православной Церкви Патриарх Кирилл во вступительном слове отметил: «... общество — и об этом говорят многие — по-прежнему испытывает вакуум понятных большинству его членов ценностей. Сугубо утилитарная идея роста материального благосостояния, не соединённая с высшими идеалами, вряд ли может быть прочной основой для формирования единства по ключевым вопросам. Именно поэтому наш Собор избрал своей основной темой базисные ценности, о необходимости формулирования которых мне много раз приходилось говорить в разных аудиториях, в том числе на Всемирном Русском Народном Соборе.

Действительно, люди не могут отдавать жизнь, не могут

идти на самоограничения во имя тех целей, которые сегодня часто формулируются как главные цели человеческой жизни. В свое время я сказал, что никто не пойдет в атаку за увеличение ВВП. Это можно говорить применительно и к стране, и к отдельному человеку. Никто не пойдет в смертельную атаку лишь для того, чтобы увеличить уровень своего потребления. Но ведь именно эти материальные ценности сегодня полагаются как стратегические, как самые важные. Достаточно взглянуть в современное масс-медийное пространство, чтобы убедиться

в том, насколько в этом смысле дезориентировано общественное сознание».

В работе Собора приняла участие Макарова С.Н., главный редактор газеты «Кубанский писатель».

26 мая в Зале церковных соборов Храма Христа Спасителя Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл возглавил торжественную церемонию избрания и награждения лауреата Патриаршей литературной премии имени святых Кирилла и Мефодия. Премия была вручена Владимиру Николаевичу Крупину.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Резолюция секции XV Всемирного Русского Народного Собора

XV Всемирный Русский Народный Собор «Базисные ценности — основа единства народа» проходит в период драматического передела мира, уничтожения целых этносов за их сопротивление стиранию духовных и национальных традиций в общественной и культурной жизни народов. Наши славянские народы представляют собой не просто восточнославянскую православную цивилизацию как абстракцию, а систему духовных и общественных, экономических и культурных взаимоотношений, сложившихся на протяжении тысячелетия, заветных великим равноапостольным князем Владимиром.

Единое историческое сознание наших славянских народов, наряду с духовной, культурной и языковой общностью, является важнейшей частью общенационального сознания, объединяющие не только народы Российской Федерации, но и стран ближнего и дальнего зарубежья.

В контексте понимания важности исторического сознания в развитии современного мира и наших стран необходимо напомнить о значимости гуманитарного образования, но не абстрактного, а конкретного, не поруганного современными пиар-учеными славянской истории, литературы и языков наших народов. Эти естественные базовые знания нашей общей героической истории должны стать основой необходимых знаний о восточнославянской цивилизации, что позволит рационально наследовать жизненный и нравственный опыт наших народов и использовать его на современном этапе развития нашей цивилизации.

Обеспечив связь времен и поколений, как важнейшее условие жизни славянских народов на своей исторически сформировавшейся в преде-

лах трех океанов земле посредством знания и понимания нашей неразрывности исторической и духовной, мы возрождаем в наших народах национальную гордость и стремление к подвигу, без чего наша цивилизация в условиях глобального агрессивного беспредела не одухотворенного запада обречена на гибель, чему свидетельство попытки уничтожить арабо-африканские цивилизации.

Участники Всемирного Русского Народного Собора считают:

— Главная задача наших народов сегодня — это интегрирование государственных и общественных институтов славянских государств в единое культурное и историческое пространство.

— Духовное и нравственное образование — это инструменты и орудие стратегического порядка и они должны обеспечивать существование и развитие нашим народам в настоящем и будущем;

— Задача образования — это создание единой учебной программы, основанной на традиционных духовных, нравственных, культурных и исторических ценностях восточнославянской цивилизации;

Всемирный Русский Народный Собор предлагает сформировать единую программу краткосрочной и долгосрочной перспективы развития восточнославянской цивилизации.

В качестве первичных мер развития восточнославянской православной цивилизации:

— Прекратить копирование западных стандартов потребительского по своей сути образа жизни, что обедняет наши традиции.

— Начать общеславянское движение по сохранению и развитию «неперспективных деревень».

— Прекратить закрытие малых школ, что стало сегодня нормой для всех государственных образований прежде единой страны.

(Окончание на стр. 2)

XV Всемирный Русский Народный Собор

(Продолжение. Начало на стр. 1)

– Подготовить на всех уровнях достойное празднование 200-летия Победы над вторгшимися в наше Отечество войсками тирана и узурпатора Наполеона и особенно – Бородинского сражения. Как венец нашей благодарной памяти спасителям восточнославянской цивилизации, создать народный памятник поклонения православного воинства иконе Смоленской Божией Матери на Бородинском поле;

– Совершить поминальные молитвы и провести широкое поклонение жертвам войны и фашистской оккупации 22 июня, в день начала Великой Отечественной Войны. Возложить венки к памятникам и могилам воинов, героев, наших соотечественников;

– Поддержать инициативу харьковчан по выпуску общеславянского журнала «Славянин», предусмотреть издание других общеславянских изданий;

– Одобрить работу по созданию русско-белорусского Союза Писателей, предусмотрев расширение его рядов;

– Подготовить на всех уровнях достойное празднование юбилея святого равноапостольного князя Владимира, как на территории современной Украины, так и во всех восточнославянских государствах.

– Подготовить на всех уровнях достойное празднование юбилея Русского Афона.

– Ввести в курсы истории и общественного изучения творческого наследия восточнославянской православной мысли (отцов Церкви, славянских православных мыслителей IX-XX вв.).

– Рекомендовать для гуманитарных классов профильной школы изучение спецкурсов «Славянской истории».

– Просить правительства РФ, Украины, Беларуси и других славянских стран поручить образовательным министерствам и ведомствам совместно разработать системный план совершенствования в средней и высшей школе гуманитарного образования и процесса духовного воспитания в соответствии с современными требованиями. Ввести повсеместно курсы древнерусского языка.

В ходе подготовки этого проекта создать межведомственную комиссию РФ, Украины, Беларуси и всех славянских стран из представителей министерств и ведомств образования, культуры, спорта и молодежи, внутренних дел и обороны, здравоохранения и социального развития, Национальных академий наук и педагогических научных центров, творческих союзов и родительской общественности.

– Просить Главы наших стран не принимать, а если приняты, то отозвать Закон об автономных образовательных учреждениях, как антисоциальный закон, противоречащий конституционным правам граждан славянских государств, ущемляющий их право на получение качественного образования, медобслуживания и пр. Всячески способствовать изучению русского, украинского и белорусского языков на территории наших стран.

Мы, участники XV Всемирного Русского Народного Собора обращаемся к Президенту Российской Федерации Дмитрию Анатольевичу Медведеву и Председателю Правительства Российской Федерации Владимиру Владимировичу Путину, Президенту Беларуси Александру Григорьевичу Лукашенко, Президенту Украины Виктору Федоровичу Януковичу рассмотреть наши предложения, направленные на поддержку и развитие Восточнославянской цивилизации.

БАЗИСНЫЕ ЦЕННОСТИ – ОСНОВА ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ Декларация XV Всемирного Русского Народного Собора

Вера. Вера в Бога, забота о сохранении религиозных традиций народов, воплощение этих традиций в делах. Верность убеждениям и нравственно обоснованным жизненным принципам, в том числе у нерелигиозных людей.

Справедливость, понимаемая как политическое и социальное равноправие, справедливое распределение плодов труда, достойное вознаграждение и справедливое наказание, должное место каждого человека в обществе, а нации – в системе международных отношений.

Мир (гражданский, межнациональный, межрелигиозный) – мирное разрешение конфликтов и противоречий в обществе, братство народов, взаимное уважение культурных, национальных, религиозных особенностей, неконфронтационное ведение политических и исторических дискуссий.

Свобода. Личная свобода, ограниченная личной нравственной ответственностью. Ее раскрытие в служении ближним и Отечеству. Самостоятельность, независимость, самобытность народа.

Единство разных национальностей, социальных слоев, политических и мировоззренческих групп в работе на благо страны и всех живущих в ней людей. Взаимообогащение разнообразных культур. Гармоничное сочетание духовных устремлений и материальных интересов личности и общества.

Нравственность – личная и общественная. Верность неизменным нравственным нормам как залог благополучия человека и общества. Приоритетная поддержка обществом и государством добросовестного поведения как в личной жизни, так и в жизни

общества и государства. Жизнеспособные государство и общество – не могут быть нравственно нейтральными.

Достоинство. Признание уникальной ценности каждого человека. Нравственное умение отличать достойное от недостойного.

Честность как критерий личной и общественной морали. Совесть, следование нравственному началу в душе как образ жизни.

Патриотизм. Любовь к Отечеству и народу, к родной земле, к ее культуре, уважение к ее истории, к свершениям прежних поколений. Общественное самосознание. Готовность трудиться ради Родины.

Солидарность – способность разделить с другим бремя его забот, его трудности, его болезни, его скорби. Общественная солидарность как сила, связывающая народ, обеспечивающая единство нации, ее целостность, ее жизнеспособность.

Милосердие – деятельное сострадание к ближним, помощь людям, нуждающимся в духовной, социальной и иной поддержке.

Семья как союз мужчины и женщины, в которой воспитываются дети. Любовь и верность. Забота о младших и старших. Поддержка семьи через социальную политику, образование и культуру.

Культура и национальные традиции. Уважение к наследию предков, открытость и уважение к культуре и взглядам других. Забота о культуре общения, чистоте русского языка и других языков Русского мира.

Благо человека. Духовное и материальное благополучие человека как основной приоритет социального развития. Соблюдение прав и свобод человека.

Трудолюбие – деятельное стремление к благу общества и ближнего. Неприятие коррупции, коммерциализации человеческих отношений, паразитического и эгоистического образа жизни.

Самоограничение и жертвенность – отказ от потребительского отношения к ближним и к окружающему миру. Способность жертвовать личным ради блага Отечества и народа.

АНКЕТА

1. Ваше самоощущение в современном обществе?

Двойственное. С одной стороны я хорошо понимаю, что нельзя поддаваться унынию, и нахожу для себя, практически ежедневно, примеры, тому способствующие, т.е. примеры положительного, доброго и светлого. Например, у нас в крае всё больше литературных объединений, куда стремятся и начинающие авторы, и просто любители поэзии. За последние годы заметно вырос уровень коллективных поэтических сборников, потому что работу над их изданием курируют профессиональные литераторы. Более того, не дождавшись от краевых властей поддержки в издательской деятельности, мы уже пять лет своими силами выпускаем газету «Кубанский писатель», а с этого года запустили серии книг «21 век. Поэзия юга России» и «Проза Юга России», рукописи будущих изданий проходят художественную редактуру, про которую уже несколько издавали даже профессиональные литераторы.

С другой стороны меня всё больше гнетёт пустота. Она и разрастается и углубляется. Кто мои читатели? Раньше, это я точно знала, – учителя. Уж они-то с большим интересом знакомятся с книжными новинками... увы. Даже учителя-словесники ныне редко проявляют интерес к литературе. Недавно мне жаловались библиотекари одной из самых крупных краевых библиотек: пришёл к ним на экскурсию класс, провели ребят по библиотечным залам – всё им показали, рассказали и предложили стать читателями библиотеки. На что их учитель-словесница тут же возмущённо замахала руками: «Когда же им читать! Они к экзаменам готовятся!» И увела ребят из библиотеки. Всех до одного...

«Душа наша состоит из слов...»

Светлана МАКАРОВА
- председатель правления Краснодарского регионального отделения Союза писателей России, лауреат литературной премии им. М.Алексеева ответила на вопросы главного редактора газеты «Российский писатель» Николая Дорошенко

2 Вам как писателю в первую очередь хочется высказаться или – создать произведение искусства (хотя, вроде бы, важно и то, и другое)?

Если у меня не возникает желание высказаться, я не пишу. А когда пишу... обязательно стремлюсь к созданию произведения искусства.

3 Свыше получает, читателю передает – таким было всегда представление о писателе. Насколько утратил сегодня писатель своё сакральное значение? Нет ли у вас ощущения, что современный литературный процесс уже не является своего рода общегражданским форумом? Какова перспектива у коммерческой литературы, доверившейся ощущению, что «Бог умер» даже не в религиозном, а в общеполитическом значении этого нищешанского образа современного мира?

Настоящий писатель не может

утратить своё сакральное значение. То, что литературный процесс сегодня не является общегражданским форумом – свершившийся факт. Но я горжусь тем, что состою в Союзе писателей России, среди литераторов, которые осмысливают современные общественные процессы, переплавляя их в художественные формы, и обнажая суть этих самых процессов. Всё больше крепнет во мне убеждение, что остракизм, которому подвергаются ныне наши писатели – следствие поголовного страха и власти придержащих, и тех, кто нажил палаты каменные перед летописцами современности. Ведь честное отображение происходящего в нашей стране отнюдь не принесёт им благодарности будущих поколений.

4 У нас теперь появились «фабрики звезд», в том числе, в литературе, и, скажем так, талант перестал быть главным компонентом на пути к славе. Мечтаете

ли вы, противостоящий медийным фабрикам кустарь-одиночка, о славе? Или все-таки – «нас мало избранных»?

О литературной «фабрике звезд» я писала в одной из статей на примере нашего молодого автора, замеченного толстыми литературными журналами именно в Липках. Когда же, собираясь представить его творчество кубанцам в альманахе «Краснодар литературный» я указала ему на стилистическую ошибку, в ответ получила: «Это Я написал!». Что добавить? Только то, что новоиспечённые гении один к одному разрушители: нравственности, наших духовных ценностей, разрушители русского слова. В этом я убеждена, начитавшись текстов с матами, обильно «сдобренных» водкой, которую наливают даже в ботинки... Противопоставлять себя мультимедиа, как показал опыт, можно в ограниченном пространстве семьи, друзей и небольших коллективов. К тому же Крылов уже написал про Моську и слона...

Мечтать о славе в данном контексте не имеет смысла. Ну, а если всерьёз, мне наоборот, часто кажется, что я незаслуженно получаю похвалы и даже награды.

Что касается избранных, их всегда мало. Главное, знать, что они есть.

5 Каковы ваша самая горячая мысль и ваше самое тревожное обращение к современному читателю? Мне думается, душа наша состоит из слов. И как важно, чтобы вмещала она слова светлые, добрые, созидательные, певучие! А если нагружена душа словами грубыми да грязными, какова её судьба? А если «птичьим» язы-

ком ИНЕТА – душа ведь с кулачок тогда? Махонькая да серенькая... Как важно питать душу словами умными да светлыми, русскими исконными.

6 Мы живем в новом тысячелетии, после многих революций и связанных с ними катастроф, после двух коренных ломок общественного строя, причем вторая предполагает полный отказ от христианских норм жизни, а следовательно, коренным образом меняет наш национальный менталитет. Возможна ли в современной литературе связь с литературой прошлых эпох? Какие книги из прошлого, включая XX век, могут быть актуальны сегодня и почему?

Как жить без прошлого? Как представить себе современного человека без книг из прошлого века? Мы что перепрыгнули через столетие? Советские писатели создали великую литературу и раскрыли в ней русский характер. Неужели молодое поколение отрицает наших классиков? Уже сейчас мы разделены с нашими детьми, а что же скажут внуки? Вернуть книги из забвения – жизненно важный вопрос.

7 Какого вопроса вы от нас не дождались и что бы вы на этот вопрос ответили?

Вы почему-то не спросили, какие книги произвели на меня большее впечатление за последнее время? Из поэзии – книга нашего кубанского поэта Вячеслава Динека «Сквозь темноту». Этот сборник стихов на днях отмечен у нас краевой премией имени Епистимы Степановой.

Светлана Макарова:

ИСТОКИ

Василий Дворцов

ПОЙТЕ, МАМЫ, ВАШИМ МАЛЫШАМ

Пойте, мамы, вашим малышам. Пойте, пойте им, когда укладываете спать и когда купаете, пойте, когда одеваете и выгуливаете, когда приболели они или не в настроении. Пойте, ибо песня матери столь же необходима крохотному человечку для возрастания телом и укрепления духом, как грудное молоко, как ласка рук, как нежность и защита объятий.

Да более того, ребёночек, прежде чем увидит маму глазками, уже знает и различает её среди всех иных людей именно через слушание и слышание её. Ведь ещё в слепоте утробы ликовал он или вздрагивал, засыпал или волновался в полном согласии с материнским сердцбиением, дыханием и, конечно же, с тоном и мелодикой её голоса. И через это же слушание и слышание он ещё до рождения получил отношение ко многому в этом мире. Уже оттуда, из пуповинной неразрывности, из кровной нераздельности он научился увязывать радость и тревогу, покой и нервность с определёнными нотами маминой, до поры непонятной ему речи. И оттуда он уже полюбил то или неполюбил это, оттуда панически боится чего-то или же безгранично доверяет кому-то. А почему, отчего? — это много позже пусть объясняют ему, взрослому, логики и психоаналитики.

Недавно довелось мне на Валдае поучаствовать в жюри конкурса юных чтецов. С полсотни старшеклассников, прошедших предварительный отбор по школам, читали для нас — педагогов, библиотекарей и писателей, стихи русских поэтов. Прекрасные стихи — под высокими сводами большого зала старинного здания звучали Пушкин и Лермонтов, Гумилёв и Ахматова, Есенин и Рубцов. И какие же вдохновенно осветлённые лица были у читавших о чудном мгновенье и изысканном жирафе, о великом русском слове и звезде полей, и как сияли глаза их искренним восторгом от сопричастия запредельным высотам нашей литературы, в её кружащем голову величии мысли и пьянящей сердце гениальной образности. Так посочувствуйте же тем, кому пришлось выбирать победителей, оставляя побеждённых!

Пушкин и Лермонтов, Есенин и Рубцов под высокими сводами старинного здания... светлые лица, сияющие глаза... Но в какой-то момент меня вдруг пронизала тревога, я вслушался направленно — и да!! Дети, чудные русские дети читали прекрасных русских поэтов «на счёт» — они не чувствовали мелодики их речи, тем более не слышали тонов, отличающих звучание любовной лирики Афанасия Фета от народной Павла Васильева или гражданской Фёдора Тютчева. Ребята не просто не интонировали поэзию, они даже в принципе не ощущали её напевности, не улавливая даже различия самой лирики от патетики, озвучивая все рифмованные тексты одинаково декламационно, на голом ритме. Они не умели слышать напевность стиха в прямой её связи с содержанием. С неповторимыми авторскими особенностями мышления и чувствования Некрасова и Майкова, Блока и Кузнецова.

Восприятие звучания жизни только через счёт — и это для народа, развившегося до Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского, Рахманинова, Свиридова! Да надо ли кому напоминать, что «Вставай, страна огромная» и «В лесу родилась ёлочка» написаны на одной ритмической сетке? Поменяй мелодию — и кощунство.

Беда в том, что 14-17-летние подростки — второе поколение нашей реформируемой России, дорастающее в немелодическом мире. В мире, где мелодии не являются постоянным фоном человеческой жизни. Ведь уже и 30-35-летние, взрослые люди, сами родители, состоялись, сформировались в этой глухой эмоциональной и информационной изоляции от предшествующих им поколений. Уже те, 30-летние, в своём раннем детстве не наслушались досьда русских и украинских песен, уже они, папы и мамы, если не ходили в музыкальную школу, то не прикоснулись к культуре русского романса, уже в полной мере не захватили «подцензурной» советской эстрады, эстрады, по щедрости национальных мелодий вряд ли имевшей себе равновесность в во всём остальном мире.

Диско-рэпп-техно... Это уже второе поколение глобалистического new-мира, в котором мелодии — фольклорные и авторские — вымещены, забыты ритмами. Точнее, одним негритянским ритмом.

Помните? Когда во второй половине

семидесятых диско вводили в европейскую моду, мы так весело, так непугано воспринимали шоколадных попрыгунчиков, и, вроде бы антисоветски фрондёрствуя, на самом деле бездумно идиотничали под подпевки о сожжении Москвы очередным чингисханом, безумно вторили клеветам на Царицу-мученицу. Непугано бездумно... И вот уже через каких-то десять лет квадратный ритм дотапывал в эфире всё, что ещё могло напоминать о мелосах итальянцев или чилийцев, бретонцев или белорусов.

В своё время Иван Ильин предупреждал о разрушительности, даже о гибельности для традиционной европейской музыкальной культуры вторжения в неё джазовой афро-американской, писал об улыбающемся негре, смотрящем на танцующих под его музыку «белых», улыбающемся знанию того, что дети этих танцующих сами станут «чёрными». Однако джаз, стремительно захватывая аристократические салоны и дорогие клубы, нигде не становился музыкой народной. Более того, он сам встречно перемалывался, переваривался и растворялся в неизмеримо более высокоразвитом танцевально-песенном наследии эллинических, романских, германских и славянских этносов, превращаясь лишь в модную инструментовку всё тех же «старых добрых» сиртаки, фарандол, полек и краковяков. И маршей: «Нам песня строить и жить помогает»!

Но всё же потомки Хама отняли детей у рода Сифа: то, что не получилось через размывание и коверканье джазовыми «импровизациями», произошло через любовную атаку примитивным четвертным ритмом. О степени расово-ритмической несовместимости народных культур можно судить на примере «от противоположного»: коренные жители Африки не могут танцевать вальс. Они не слышат дробных ритмов — ни 3/4, ни 7/8, а, тем более, наших восточноевропейских ассиметричных метров и тактовых размеров. Поэтому чернокожие танцоры, во всей замечательности их физических данных и великолепия внешних форм, не годны к полноценному классическому балету, и потому, в основном, танцуют модерн. В отличие от монголоидов, которые, при (с точки зрения европейцев) проблемной эстетике тела, полноценно воспроизводят в танце мелодические рисунки и Чайковского, и Рихарда Штрауса, и Игоря Стравинского.

Мы возвращались с Валдая в Москву ночью. Я упорно отжимал и отжимал кнопки, в течении шести часов пытаюсь поймать в радиоэфире хоть одну чистую мелодию. Но звучали тамтамы, погребушки, барабаны, бубны... Даже то, что заявлялось как «ретро», было переоркестровано, перепето под доминанту ударных: «упс-упс-упс-упс». И в глазах всплывали картинки вечеринки, дискотек, ресторанов, ночных клубов — однообразно колыхающиеся головы, однообразно качающиеся тела... однообразно, однообразно, без различия возраста, пола.

На это «однообразие» танцующих психологи возлагают немалую долю вины за несостоятельность многих нынешних браков. Танцевальные традиции — это, прежде всего, часть народных обрядов брачевания, важнейшая ритуальная составляющая личного знакомства, выбора из вариантов и предварительного схождения молодых людей перед созданием семьи. Для этого у всех народов мира существуют отдельно мужские — для демонстрации удалости, и женские — для показа изящества, танцы, а у многих, прежде всего европейцев, — парные. И утеря этой традиционной ритуальности с унификацией, а точнее, с обессмысливанием танцевальных рисунков и движений — одно из составляющих стремительного разрушения полового самоопределения у современной молодёжи, одна из несомненных помех в становлении наших юношей полноценными мужчинами — мужами и отцами, ответственными главами и защитниками семьи и рода, а девушками в видении себя женщинами, т. е. в смиренности — в религиозном смысле! — перед ролью «просто» мужней жены.

Однообразно колыхающиеся головы, однообразно качающиеся тела... Победу примитивного ритма над многосложным мелосом во многом обусловила его от-

кровенная, декларативная сексуальность, чарующе действующая на подростков. Но именно эта вот гипертрофированная сексуальность с отсутствием в ней половой дифференциации, — где каждый сам по себе, сам в себе, только с собой любимым, в эгоистичном равнодушии ко всем неразличимо однообразно колыхающимся напротив и вокруг, — провоцирует у танцующих юнцов извращения. Гомосексуализм, захлестнувший Запад и всё наглее заявляющий о себе в России, в числе прочих, имеет себе и причину в подчинении психо-эмоциональной жизни европейца принципиально чуждому африканскому культурному влиянию.

Своё — чужое. Чуждое — своё.... А что мы чувствуем во время исполнения нашего гимна? И что переживает русский человек при звучании мелодии «Варяга» или только вступительных аккордов «Прощания славянки»?

По воспоминаниям ассистента Склифосовского, у них в клинике с тяжёлой травмой головы лежала в коме музыкально образованная полячка, и «профессор имел возможность следить за колебаниями кровяного давления в её черепной полости в зависимости от слышимой музыки. Как оказалось, что для каждого композитора и даже для каждой пьесы существовал свой прилив крови, своё кровяное давление в мозговых сосудах и, что всего замечательнее, патристическое чувство польки проявлялось в резком повышении кровяного давления всякий раз, когда играли при ней даже самые посредственные пьесы Венявского».

Понятие «генетические музыкальные коды» уже почти столетие используется психологами, изучающими механизмы эмоций в их связи с процессами формирования и преобразования динамических стереотипов. Учёными давно просчитано, в какой степени от звучащей в нас внутренней музыки зависит не только интеллектуально-эмоциональное состояние, но и физиологическая, и даже химическая деятельность нашего мышечного аппарата. Отсюда, из декодировки генетической памяти, услышанная нами мелодия вдруг решительно и неоглядно заполняет нас молитвенным умиротворением или же вспенивает боевым духом, отсюда, из кровного наследного опыта, мы по песням распознаём своих и чужих, и через это никто никогда не лишит нас нашей Родины. Где бы мы не находились.

27 января 1904 года крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» вышли на свой смертный парад под «Боже, Царя храни»:

*Царь Православный,
Царствуй на славу!*

Царствуй на страх врагам. — И в те минуты была с ними вся Россия.

Я специально обхожу здесь тему пения церковного, молитвенного, пения Богу. Для раскрытия таковой нужна осведомлённость не просто обширная, угнетающая одним только необходимым объёмом предварительной проработки материалов, но, прежде всего, устрашающая ответственностью концевых выводов и рекомендаций. В теме церковного песнопения, как и в теме иконописания, ум касается грани разделения духовного и душевного. Грань тонкая, высокая, огненная, описывать её понаслышке, поначитке, мудрствуя без личного опыта и опыта наставников, губительно. Это тема священническая. Точнее, даже иноческая. Но убеждён твёрдо: икона — не украшение интерьера, псалом — не концертный номер. И чувственность — не благодатное восхищение.

Пойте, мамы, вашим малышам. Пойте им, когда укладываете спать и когда купаете, пойте, когда одеваете и выгуливаете, когда приболели они или не в настроении.

Колыбельные мотивы просты и ясны, как просты и ясны иные народные мотивы о караване вот такой вышины, о девице во саду ли, в огороде, о калинке-малинке, о сером зайке и о во поле берёзоньке. Всё очень и очень незамысловато, но за этой ясностью растущий человек ещё неосмысленно, ещё непредставимо, но ощутимо становится причастником тысячелетий. Ведь сутевое свойство фольклора, — чрезмерно ёмкого слова-понятия, вмещающего в себя столь различные формы народного творчества

от эпоса до частушек, — при всей изменчивости и избирательности в процессе устной передачи, прежде всего, определяется его непрерывностью-преемственностью. При этом народная музыка прочно связана с территорией и конкретным историческим временем, отражает характер каждого рода-племени с его обычаями и памятью, что и определяет неповторимость своеобразия многосложной, но связноцельной системы музыкальных диалектов в общей национальной культуре.

Пойте, мамы, пойте. Есть научные подтверждения: если мать регулярно напевает-намурлыкивает недоношенному ребёнку, он гораздо быстрее набирается сил. Да и у самих женщин, начинавших петь своим детям ещё до их рождения, течение беременности протекает заметно легче. Важно что говорит человек человеку, но важно и само звучание, эмоциональный посыл — речь и музыка суть родственные формы коммуникации, а песня мамы — это ж всегда песня любви. Только любви.

Замена материнских песен мультфильмами, компьютерными или музыкальными игрушками, чревата для ребенка усугублением «синдрома дефицита внимания» — неспособностью сосредотачиваться. Увы, сегодня эта психопатология встречается уже у 15-20 процентов детей.

Пойте же, мамы, вашим малышам. Пойте про их былинных дедов-прадедов и про балладных героев-отцов, про Дрёму и Ясный месяц. Пойте им колядки и святки, купалу и семицу, масленку и жатву. Пойте им отходнические, трудовые, хороводные и игровые — пойте-вспаивайте их из родовых истоков и памятных колодезей, сытые их от корней отчизны и плодов отчины. Пусть услышат они под собой вздохи рыбы-кита, а над собой — курлыканье жар-птиц. Пусть почувствуют в себе Русь, пусть познают себя в Руси. Пойте!

*Гой еси Алёша, да сын Поповичев,
Ты почто забыл дороженьку в отчий дом?
Горяча твоя, удаля головушка,
Ты почто поспорил с родным батюшкой?*

Личность развивается этапами. Среди психологов существуют разномнения об их границах — периоды определяют и в пять лет, и в семь, и даже в десять. Лично мне достовернее деление на симилетия — в семь мы приходим в школу, в четырнадцать — впервые влюбляемся, в двадцать один — действительно становимся совершеннолетними. В сорок два — мудреем. И каждый исход из одного возраста в последующий сопровождается жёсточайшей переоценкой ценностей. С, порой, излишне страстным отрицанием былых авторитетов, с громким опрокидыванием кумирен и низвержением идолов.

Портфель первоклашки — и ящик Пандоры, и тачка каторжанина. Порог школы — начало завещанных человеку Богом земных потнолицных трудов. Системно-постоянное, принципиально-фундаментное, зачало всему его такому долгому-долгому будущему. И как же теперь не хватает ребёнку весельно-игровых, задористо-смешливых, праздничных песен и заводных наигрышей! Так пусть же они похозяничают в его повседневном мире, пусть понудят подпеть и запританцовывать, разряжая, расслабляя и чуток балуя. Здесь ещё только в вашей воле и ответственности — пропускать или придерживать примитивно кабацкое и одесско-блатное, или же продолжать национальное формирование личности через уже окультуренные, обработанные профессиональными композиторами народные мотивы. Да что и где может-то поравняться и удалой и лирикой с нашими «Песнярами» и «Ариэлем», с Кубанским казачьим хором и «Золотым кольцом»? Что посмеет встать с ними рядом? Близко? Около?

А вот в подростковом возрасте фольклор уже вряд ли кого накормит и окомит. После четырнадцати уже не сидится дома, после четырнадцати все дороги только уводят, все ветры только зазывают, а звёзды обещают и манят. С какого-то часа Вселенная более не раскладывается ни по столу, ни на полу комнаты, не умещается ни в ограде, ни в горизонтах. В этом, столь новом для растущего человека состоянии ума и чувств малая родина и родственный круг ужимаются, засыпают-замирают до поры зёрнами-семенами, а вылетевшая за пределы робости и безропотности душа жаждет лишь безграничья, желает величия, а отчаянно безоглядному сердцу мечтается только об Империи.

И сложены об этом совсем иные песни.

Нелли Тимофеевна, у Вас большая творческая биография. Вы начинали творить, как дизайнер, а стали поэтом. Как Вы думаете, поэтами рождаются или становятся?

Я уверена, что поэтами рождаются.

Все мы родом из детства. У Вас такие трогательные стихи о маме, строго ли Вас воспитывали?

Я родилась в первые дни войны в селе Артомово Омской области, куда маму, Зою Васильевну Панину, направили на работу после окончания лесотехнического техникума. Мама выросла в деревне Новинской на Волге, в большой крестьянской семье. Мой дедушка, Василий Андреевич, был бондарем, делал и возил на продажу в город деревянные бочки. Бабушка, Екатерина Павловна, управлялась дома с ребятишками, их было шестеро. Мама рассказывала, что уже с 11 лет ей пришлось трудиться. Дети в деревне воспитывались трудом, самим укладом жизни и быта.

Досталась я своей маме нелегко — родилась богатыршей. Первой моей нянькой был дедушка, потому что время было военное, отца мобилизовали на фронт, маме сразу пришлось выйти на работу. И позже она всегда была занята. Это было поколение настоящих коммунистов, честных и бескорыстных.

Моего воспитания, как такового, пожалуй, и не было. Если не считать того, что называют личным примером. Но попытки, помнится, были...

Как установили учёные, только 20% свойств характера поддаются коррективке, остальные 80% — незыблемый монолит наследственности. Независимостью характера, думается, я пошла в отца, Тимофея Иосифовича. Рано оставшись без родителей, он не смог стать настоящим главой семьи и оставил нас, когда я закончила первый класс. Это было уже в Краснодаре, куда мы переехали. Он забрал моих сводных брата и сестру, Шуру и Рину, и уехал в Крым в поисках лучшей доли. Нашей большой семье из восьми человек, к нам ещё в Сибири присоединилась мамина сестра Тоня, действительно приходилось туго в одной маленькой комнатёнке. Время голодное, все трудились, кто как мог — это, наверное, и было воспитанием: всегда что-то делать, чтобы выжить. Оглядываясь назад и подводя итоги, я вижу, что давать полную свободу подрастающему, ещё не ставшему личностью человеку нельзя. Для его же блага в будущем. Взрослому, конечно, легче устраниваться со словами: «Ой, боюсь вмешиваться, а то потом дочь (сын) обвинит, что помешала сделать то и то-то». Но насколько было бы лучше, если бы родители, твёрдо уверенные в правоте дела, вмешивались, чтобы потом не услышать укоризненное: «Эх, мама, ты же знала, а не остановила меня...»

В последние годы маминой жизни, а её не стало в 1986 году, когда уже не было бабушки и маминой сестры, мы очень сблизились, много времени проводили вместе и если б мне задали вопрос: «С кем из людей, живших в любое время, вам хотелось бы поговорить?» я бы сразу ответила: «С мамой».

Вы рассказали о своих близких и родных людях. А назовите любимых писателей и поэтов, возможно, они участвовали в Вашем воспитании?

Поскольку я со школьных лет много читала, то и многие имена не уходят из памяти. Они, несомненно, оказали влияние на становление моего характера, формирование жизненных принципов, на мировосприятие в целом. Любимыми можно назвать тех, кто затронул в душе самое глубинное, чем-то особенно запомнилось.

Начну с поэтов. Но не с Пушкина, Лермонтова, Есенина — это, как говорится, впитано с молоком матери. Я ещё не писала стихов (а случилось это только в 38 лет), но прочитала тоненькую книжечку Тютчева, переписала целиком, так как нужно было отдавать её, и она стала моей первой настольной книгой. А следом потянулась вереница замечательных поэтов, назову хотя бы некоторых: Николай Рубцов, Алексей Прасолов, Мария Петровых (подруга Анны Ахматовой, и на мой взгляд, как поэт она интереснее), Владимир Соколов, Давид Самойлов, Елизавета Стюарт (из Новосибирска, необыкновенно талантли-

Нелли Василинина

«...КАКИЕ МЫ — ТАКОЕ И НАШЕ СЧАСТЬЕ»

В предъюбилейные дни мы пригласили в редакцию газеты «Кубанский писатель» Нелли Тимофеевну Василинину, известного кубанского поэта, лауреата премии им. А.Д.Знаменского, автора поэтических сборников, изданных в Москве и Краснодаре, чтобы задать вопросы, присланные нашими читателями.

вая и несправедливо забытая), Василий Фёдоров, Борис Чичибабин (великолепный мастер рифмы), Николай Ушаков (это ему принадлежат вещице слова о поэзии: «Чем продолжительней молчанье, тем удивительнее речь»).

Из прозаиков тоже хочется назвать многих, но ограничусь некоторыми: Иван Бунин, стиль которого можно считать эталоном, Валентин Катаев, Ги де Мопассан, Андре Моруа, до боли родной Чехов, серьёзный и обстоятельный Василий Шукшин, ироничный О.Генри, мудрый Эфраим Севела, уводящий к высотам духа Валентин Сидоров (его книгу «Семь дней в Гималаях» я в своё время специально переписала аккуратным чертёжным почерком, чтобы не только самой перечитывать, но и давать читать другим).

Заставлю себя на этом остановиться, потому что одно только перечисление имён займёт много времени. Но не могу не добавить имена философов, к трудам которых (вернее, к выпискам из произведений) время от времени возвращаюсь — это всегда является внутренней поддержкой и настоящим наслаждением, так как действительно «нет ничего на свете слаще вкуса истины». Этих имён немного: Артур Шопенгауэр, Эммануил Кант, Лев Шестов, Бальтазар Грасиан, Мишель Монтень. Два последних — самые-самые любимые. И это не считая энциклопедий афоризмов всех времён и народов, которым в последнее время отдаю предпочтение.

чтения прекрасные книги, в основном классики. Сложилось впечатление, что раньше плохих книг не было вообще, тем более, в библиотеках. Тогда издание литературы не имело ничего общего с нынешней вседозволенностью.

И вторым тоже самым любимым делом для меня являлось шить себе одежду. Любую — от купальников до зимних пальто. Толчком послужило то, что однажды маме, которая иногда шила мне летние платья, было некогда. А у меня после окончания девятого класса начались каникулы, и так хотелось нового платья, что я до сих пор помню уже приготовленную ткань — зелёный цвета травы штапель в мелкую чёрную клеточку. И вот, недолго думая, я взяла ножницы, без выкройки, только наметив мелком контуры фигуры, выкроила своё первое портновское творение. Поскольку фигура была стройная, то и платьишко получилось ладное. И с тех пор это занятие меня увлекло так, что заканчивая десятый класс, я думала поступать в Московский текстильный институт на отделение художественного конструирования одежды (до сих пор храню присланную оттуда брошюру с условиями приёма на учёбу). Но домашние меня не поддержали, а самой не хватило уверенности. Не получилось стать профессионалом — стала любителем. В молодые годы летом, почти каждый понедельник, приходила на работу в новом наряде. Фасоны придумывала самые сложные. Сама научилась делать выкройки — тогда журналы мод, в отличие от нынешнего времени, были в дефиците. Это уже потом я собрала их целую коллекцию. И ныне нередко вдеваю нитку в иголку, и могу часами просиживать за шитьём.

Какое слово или выражение для Вас невыносимо?

Не приемлю любое матерное, жаргонное, сленговое слово. Существует русский литературный язык. Это бесценное богатство досталось нам в наследство от наших великих классиков. К сожалению, в современных условиях многие даже не подозревают о существовании такого богатства и пробавляются тем, что легко находят на загрязнённых обочинах культуры.

И как будто невдомёк, что уничтожая язык, а с ним неизбежно и высокие духовные идеалы, уничтожается и сам народ...

Ваше любимое воспоминание?

Радостных воспоминаний такое множество, что трудно какое-либо одно из них возвести в любимое.

Мне всегда отраднo вспоминать ту хрупкую, невероятную тишину в зале, которая порой возникала, когда я читала свои стихи. Эта удивительная тишина мной воспринималась как самая высокая оценка тому, что я отдавала людям.

С тёплой улыбкой вспоминаю эпизод, когда однажды была в гостях, где оказался человек, побывавший в местах не столь отдалённых. Пели песни под гитару, танцевали, читали стихи. И этот человек, прослушав меня, вышел за калитку (всё происходило летом в частном дворике, на окраине города), впотымах наравал каких-то пыльных, как я называю, будяков (ничего другого там не росло), сорвал с дерева незрелую айву, вернулся и преподнёс мне в знак одобрения и благодарности. Прошедший «крым и крым», он всё-таки сохранил в душе что-то неистребимое...

Дома я этот «букет» поставила в хрустальную вазу, айву положила на блюдце. Но не уследила — муж варил компот и заодно искрошил памятный мне плод...

Это небольшое из того, что касается поэтического творчества. Моя многолетняя работа дизайнером на мебельном предприятии тоже оставила немало отраднoх воспоминаний. Я создавала проекты мебели и интерьеров по спецзаказам, то есть для конкретных лиц, учитывая все их пожелания. Выполняла работу так, как бы делала это для самой себя — старательно и с любовью. В итоге их радость становилась моею. Это ощущение не забывается.

Кроме счастливых мгновений, связанных с творчеством, греют душу воспоминания личного характера. Жизнь прожита довольно долгой и в ней много было хорошего. Недаром же я родилась в «рубашке»...

Какое место в Вашей жизни занимал Виталий Борисович Бакалдин?

Если моим первым поэтическим Учителем был Кронид Александрович Обойщиков, то последним в ряду поэтов-наставников стал Виталий Борисович. Занимаясь самообразованием, кроме целенаправленного чтения литературоведческих книг, просто вдумчивого чтения, будь то замечательная проза или прекрасная поэзия, обязательно нужно живое общение с мастерами Слова. И вот таким Учителем или, как он сам себя называл в послесловии к моей книге «Ещё не отцвели закаты», другом-советчиком, для меня был Виталий Борисович. Его безупречный художественный вкус, его великолепная эрудиция, богатый жизненный опыт — и всё это в сочетании с доброжелательностью, остроумием и сердечностью возносило его в глазах учеников-студийцев на заслуженную высоту. Его мнение всегда было авторитетным. И это он заставил меня подать заявление в писательскую организацию с просьбой о приёме, дав мне блестящую рекомендацию. И почти до самого конца его жизни я имела счастливую возможность слышать в телефонной трубке его: «Привет...». С этого слова всегда начинался наш разговор. Он говорил больше, говорил обо всём и, когда я опускала трубку на рычаг, то было такое ощущение, словно мне прочитали несколько страниц очень хорошей книги.

Его не стало — и это большая утрата для меня...

Какое Ваше самое любимое занятие?

Ещё с юных лет моё первое самое любимое занятие — чтение хорошей литературы. Мама работала в учреждении, где была неплохая библиотека, и ей подбирали для

Беседу записала С.Н.Макарова.

* * *

Чем же отдала я рассветы,
Что вставали за моим окном?
Неудач и радостей приметы
Затерялись навсегда в былом...

Знаю, счастье —
Узкий промежуток
Меж одной бедою и другой.
Но, когда судьба менялась круто,
Оставалась я всегда собой.

В небесах журавль как утешенье,
Потому синицы нет в руках.
А из дорогих мне украшений —
Серебро блеснуло на висках.

1988

* * *

Друзьям

Меня тревожат старые дома...
Зайду в такой
По стёршимся ступеням.
Прохладная обступит полутьма.
И попаду в давно минувший день я.

Здесь тусклая от времени стена
Уже не помнит росписи старинной.
Во всё давно вселилась новизна.
И прежний только запах керосина.

Почти бегом я кинусь за порог.
Испуганными вас найду глазами.
Вдруг наших жизней
Не совпал бы срок —
И никогда
Не встретишься бы с вами...

1982

* * *

Становлюсь неуклюжей, неловкой
И, порой, забываю слова.
Стала память не та и сноровка.
Видно, возраст вступает в права...
Видно, жизнь уже катится с горки —
Ни желаний безумных, ни чувств.
Всё в ней было —
И сладко, и горько.
Всё прошло...
Всё, но только не грусть.

1997

* * *

Я без тебя ничего не боюсь,
Что бы со мною ни случилось, —
В сердце твоём я не вызову грусть,
Или печаль, или усталость...

Этой свободы безрадостный груз
Ни у кого не просила.
Только теперь я сама познаюсь,
В чём одиночества сила.

1986

* * *

Иду — и травы по колено.
Тропинка выёзает вдоль реки.
Задену ветку — и мгновенно
Дождём ответят лепестки.

Пригрело — выползли букашки
И замерли поверх листы.
В заросшем вербами овражке
Поэты птички — соловьи.

Пестреет лютиками поле.
Остановлюсь на берегу.
Дышу и надышаться вволю
Я почему-то не могу...

1983

* * *

Ушли послевоенные трамваи...
В них был уют
Предшествующих лет.
Дверь с тусклым зеркалом
Отдвигая,
Входили люди.
Каждый брал билет.
Кондуктор
С дерматиновой сумкой
Билеты на ремне,
Как серпантин, разматывал,
Со сдачей вместе комкал,
Чтоб «зайцем»
Не проехал ни один.
Но «зайцы» были...
Я и мой братишка,

Нелли Василюнина

«У каждой жизни есть свой автор...»

Мы на подножке
Ездили не раз.
О том, что с ним
И я была мальчишкой,
С улыбкой
Вспоминается сейчас.

1989

* * *

Бьёт по карнизу дробь капли —
Как будто снова зашумели
Стальные ткацкие станки,
Ослабив памяти тиски.
И вспомнилось,
Как после школы,
Из нашей юности весёлой,
Чтобы учёные продолжать,
Пришлось на фабрику шагать.
Тогда порядок был такой:
Стаж заработай трудовой,
И только после в институт
Сдавать экзамены дадут.
...А фабрика была огромна,
И далеко она от дома,
И смены три:
То в день, то в ночь.
Порой бежать хотелось прочь.
Но память держится не этим,
А тем,
Что утром ранним, летним,
Когда лишь зарождался день,
Усталость таяла, как тень,
Кончалась смена, шла домой
И знала:
Нужен был труд мой.

2011

* * *

У каждой жизни есть свой автор.
И не один, не два, а много —
Те, кто по всем путям-дорогам
Шёл рядом с детства от порога.

И благо, если был редактор,
Способный обнажить ошибки,
Предельно честный,
В меру гибкий
И редко делающий скидки.

И лишь талант даётся свыше.
Его и слышат, и не слышат.
Хоть как рисуй,
Хоть что пиши,
А он всегда портрет души.

2011

* * *

Экзамены... Хотя бы оком
Успеть окинуть книг страницы.
Листает ветер створки окон.
Ему, как мне,
Всю ночь не спится.

Шпаргалки сложены в гармошку,
Пятак под пятку —
На удачу,
И всё совсем не понарошку,

И всё с надеждою на сдачу.

Наивны школьные уловки
И вера, что они помогут...
Но не хватало мне сноровки
Подглядывать
Хоть понемногу.

Другой себе стелил соломку,
Я — падала всегда на камень.
И как шпаргалку тут ни комкай,
А жизнь —
Провалённый экзамен...

2011

* * *

Сначала всё казалось
Нипочём —
Лишь стоило бы
Повести плечом,
Сбылись бы все желания,
Мечты,
Жар-птицу бы
Могла держать в горсти.
Но жизнь
Не приготовила даров.
Наломано немало было
Дров.
Паденья, взлёты —
Вниз и снова вверх,
И удержалась
Только словом «Верь!».
И вот подходит
Неизбежный срок —
Ступает шатко
Старость на порог,
И мысль,
Что по счетам
Платить пора,
Бессонницей
Изводит до утра.
Когда же солнца луч
Рассеет мрак,
Уже не кажется,
Что в жизни всё не так.
Пришедший день —
Он снова первый день
Из остающихся,
Он — новая ступень.

2011

* * *

Все наши беды
Зародились в детстве
И вместе с нами
Исподволь росли,
От них не спрятаться
И никуда не деться,
Они по жизни,
Как по следу, шли.
И вот когда все силы
На исходе,
Погони этой
Явственной шаги,
Когда всё меньше
Звёзд на небосводе

И под ногами
Не видать ни зги,
Тогда в душе
Рождается смирение,
И годы
Заставляют признавать,
Что жизнь в итоге —
Это поражение,
И по-другому
Трудно мне назвать.

2011

* * *

До рассвета память
Лучше не тревожить,
А иначе,
Точно, больше не уснёшь.
В темноте тревоги
С новой силой гложут,
Хоть порой казалось,
Что цена им грош.
Темнота всё красит
Самым чёрным цветом.
Но мне во спасенье
Вспомнились слова,
Что сказал художник:
«Вы рисуйте светом!
Это же так ясно,
Словно дважды два».
В половодье жизни
Мне вода по плечи,
И в одну минуту
Можно утонуть,
И помочь себе,
Вдруг оказалось,
Нечем,
Кроме как всем светлым
Тьму перечеркнуть.

2011

* * *

Мне право на спокойствие
Дал возраст.
Как будто снова начинаю
Жить.
Уже уходит из души
Тревожность.
Уже немного
Способно утешить.
Уже в характере
Нет прежнего металла.
От сожалений прошлых —
Ни следа.
Тому, что не сбылось,
О чём мечтала,
Теперь
Уже не сбыться никогда...
Но, как и прежде,
Солнце ярко светит
И ветер веет,
И листья шумит,
Душа
Ещё ликует на рассвете,
Ей стал дороже
Каждый новый миг.

2011

* * *

Когда в ладу с самой собою,
То в радость дело мне любое,
И всё могу я одолеть
И ни о чём не сожалеть.

Душа коснулась дна покоя,
И я узнала, что такое —
Не горевать и не тужить,
А просто жить...

1998

СУМЕРКИ

Слышится птичье нехитрое пение
Где-то в поплёкшей листве.
Скупое,
Сигналами точного времени,
Падают звуки и гаснут в траве.

Таёт вечернего неба свечение.
Краски дневные
Смешались в одну.
Вечности тихое вижу течение.
Как оно быстро уносит ко дну...

1984

*Человек, ожидающий
вакансию на тот свет,
имеет право хотя бы
высказаться...*

Автор

Тучная, располневшая, в широких одеждах, призванных скрывать излишнюю полноту, да ещё и с медлительной походкой с помощью палочки, когда издали видно, что человеку трудно даётся каждый шаг, Тамара Михайловна приехала из Краснодара в райцентр — навести порядок! Она жаловалась и возмущалась, что никто не хочет помочь разрешить ситуацию, в которую попала её старшая сестра Клара. Председатель совета ветеранов решил «подключить» журналистов, и позвонил мне. Мы встретились в фойе районной администрации. Тамара Михайловна оказалась интеллигентной, рассудительной женщиной, но постоянно плакала, рылась в кипе всяческих документов и ксерокопий, перебирая их на коленях и надеясь использовать в разговоре со мной самые внушительные, решающие документы. Я сам просмотрел бумаги, вникая в суть. Наши люди, особенно лучшие из них, увы, не умеют себя защищать, скромничают, запинаются и косноязычат, потому что обида переполняет их. Им кажется, что упрекнут их в нескромности, и даже наглости, а это недопустимо. Их совесть настолько чувствительна и пристрастна к самому себе, что мешаешь выделить главное и связно объяснить, что же случилось? Почему слёзы?

Оказалось, что сестра Клара в райбольнице, готовят её «на Краснодар», по части онкологии, но сама она этого не знает. А до вмешательства Тамары Михайловны сестру чуть не залечили лекарствами в участковой больнице, чтобы раньше отправить на тот свет. Поверить в такое было трудно, нужны веские факты и выслушивание всех сторон. И мы поехали в больницу, чтобы встретиться с самой пострадавшей.

...Вскоре из женской палаты терапевтического отделения, держась за панель стены, окрашенной в убогий тёмно-синий цвет, и в закахлаченном, не по росту, синем бумазейном халате, вышла 80-летняя Клара, присматриваясь ко мне и как бы побаиваясь. Видно, никому уже не верила, ни на что не надеялась. Просто смертельно устала. Притупились её ощущения, устали смотреть на мир божий её огромные тёмно-синие глаза. Но она всё ещё ковыляла, сохраняя равновесие, передвигая негнущиеся пухлые ноги, шевеля пальцами рук, чтобы нащупать возможные неровности стены. Метров пять одолевала долго, шла в коридорный кармашек, где есть окно и стол этажной дежурной, с парой стульев.

Но присесть нам не удалось, так как налетела молодая раздражённая девица в белом халате и запальчиво одёрнула Клару:

— Больная! Эти стулья служебные! Я скоро буду заполнять карточки. Не садись! — и умчалась, разбрасывая полы халата. Клара никак не среагировала. Раз нельзя — так нельзя. Прошла мимо стульев к подоконнику, где и состоялся наш разговор. Я настроился слушать, не перебивая. Человек, ожидающий вакансию на тот свет, имеет право хотя бы высказаться. Я видел, что Клара так собрана, так нацелена куда-то вперёд, что расскажет толково.

А теперь её рассказ, восстановленный с диктофона.

— Родилась я, когда Ленин умер. И папа мой дал мне имя Клара, как подсказали в стансовате, тогда всех новорождённых «октябрили» в честь революции, давая имена вождей. То есть как бы крестили по советски. Так и осталась я Кларой: в школу ходила — Клара, и в семье так называли. Но тётя меня тайно окрестила, даже книжечка есть. По церковному я — Ефросинья. Так что

Виталий Кириченко

ПОЙДУ ТУДА — НЕ ЗНАЮ, КУДА

у меня два имени.

В семье были папа, мама и дети: два брата, пять сестёр. По старшинству: Тая, Владилен, Вадим, Надя, Аня, Тамара и я. Папа в колхозе работал и на дому сапожничал. Шил сапоги, тапочки, ботинки. Он хорошие вещи делал. А мама в школе была уборщицей. За нами смотрела, за хозяйством. В колхоз ходила за трудовыми: скирды скирдовала, вывершивала. Мы жили на Буденновском хуторе, за станицей. Место хорошее, рядом с речкой, полно зелени, простора. Постепенно вся детвора вырастала. Пережили голодовку тридцать третьего, потом войну. Война кончилась. И я уже была перестарком, не за кого было выходить. Но попался одноклассник, Иван Денисович. Он с войны пришёл (с японцами), болел, в голову был раненый, глаза не было. Пасечником в колхозе робыв. Он взял в станице план под застройку. Длина хаты — десять метров, ширина пять. Пока строились, никто нам не помогал, а жили по квартирам. За два года из самана построили, камышом укрыли, а после шифером перекрыли. Так и жили. Баловства у нас не было, жили бедно, как все. Когда на праздник сэкономлю какой трояк, дам сыну Васе. Он приветливый мальчик был. А вырос почему-то жестокий. Я его никогда не обижала. Уже взрослому и женатому с каждой пенсии давала, то на бензин, то на гостинцы. Пенсия была сначала 40 рублей, а потом стали добавлять. Сейчас — четыре тыщи. С 95-го, когда муж умер, одна жила, никого не прописывала.

Это всё сноха наделала, Светка, чтобы нас разъединить. Женился на Светке — стала она друг от друга нас отбивать. И постепенно, постепенно сын чужой стал. Наговаривает всякую ерунду, вроде я ему вообще не мать, вроде не я родила, а подкинули.

С детства работала в колхозе. И на конях ездила, солому возила. В военные годы на тракторах робыла. За военные годы медалька есть у меня, спасли мы скотину колхозную. Нас послали в эвакуацию со стадом, чтоб немцу не досталась. До Новолабинской дошли, а мост вечером, бух, бух, и повзрывали, мы и остались на берегу, возле Лабы, 16 дней были. Наши руководители поехали искать дорогу, куда ж скот гнать? А когда вернулись, мы собрали скотину, погнали на дальний мост. И мимо немца прошли незаметно.

А потом у меня ноги болели, я в Краснодаре лечилась. Потом выучилась на швею, работала в мастерской. Работа сидячая, раз ноги болят. Но дома управлялась, держали, как и все, хозяйство небольшенке, чтобы деткам было свежее питание. Трех я вырастила. Старшая, Валя, померла. Средняя, Тамара, вышла замуж и живёт в Баку. Теперь это другая страна, так просто туда не поедешь. Хотела я возле Васи доживать, да не получается.

Два года назад, с осени, началось подтопление. Ветер воду погнал, берег подмывается. А хата наша как раз по-над речкою. Кухонька саманная ближе к воде стоит. Начала с неё земля обсыпаться. Я пошла к председателю, просила, чтоб помогли мне укрепить берег. Ну, рыбаки приехали, колышки позабивали, притоптали. А вода всё летела и размывала. Я опять в правление. Потом к бригадиру. Обещают помочь, а ничего не роблють.

Я ж не знала, что кругом подтопление,

по другим станицам, что гроши выделяют на ремонт, дома покупают. А сын смекнул. Видать, Светка научила, она грамотная, в школе робыть, учительша. Сын приходит и жает: «Мать, вы знаете что? Мы вот подумали-подумали. Вы, мать, до нас переходите, на улицу Новую. А в вашу хату перейдут моя дочка Ленка с зятем. А то им негде жить. Они по квартирам бегают, никому не нужны. Жили у свёкора на хуторе. Теперь вернулись до нас». Я сказала «подумаю», боязно стало, что-то почувствовала плохое. Он ушёл. А потом присылает внучонка. Тот говорит: «Папка просит «домовую книгу» посмотреть, и сразу вернёт».

И забрал мою «домовую книгу». Они скоренько прописали Ленку-внучку с зятем в моей хате. А меня выписали, я ж ничего не думала такого, что меня притеснять станут. Я хозяйка была, у меня ж хата, хозяйство. Подтоплялось, конечно, от речки, вдоль берега, треть огорода. Берег никто так и не укрепил.

Думаю, дай поживу у Васи. И перешла на Новую. А в мою хату Ленка с зятем переехали. Я поняла, что они меня облапошили, им моя хата была нужна. Какая-то комиссия приехала и сказала: «Мы выплатим деньги жильцам, чтоб купили в другом месте. А хату надо снести». Сын с невесткой всё делали без меня. Спрошу — отвечают: «Да это не ваше дело. На что оно вам? Вам не нужно». Я ж на сына надеялась, верила. Возил меня к нотариусу и в палату по недвижимости. Там говорили: «Вот тут подпиши, бабушка, и тут». Они сильно грамотные, говорят, подписывай, я и подписала. Внучка гроши получила, купила хату у одной женщины.

Вася разместил меня в летней кухне, в маленькой комнатухе. Он не обижал, а Светка вызверяться стала. «Чего ты сидишь? Иди огород пополи. Раз жрёшь — надо робыть». Я беру тяпку, идуполоть. А на солнце не могу долго, головокружение. Сил-то нету. Отробылась. Светка ко мне с кулаками: «Поли! А то жрать не дам». И в итоге, значит, стали меня выживать. Начали на меня всякие поклёпы, что хотели, то и говорили. Оскорбляли, как скотину. Светка сказала, чтоб я не ходила в туалет, а ходила на улицу. Не пава. Сказала невестка так: «Я тебе такие козни сделаю, что сама утёчешь». Мне операцию сделали в Ростове, лазером, на глазах. Мне надо капли пожизненно.

Как принесут пенсию, она тут как тут. Отбирает гроши. Говорит: «Обойдешься. Теперь я тебе врач». Хотелось мне от них вырваться, да куда? Пошла к братику: пусть, братик, пожить. А у него жинка вторая — против, первая померла. Да и места у братика маловато, негде повернуться.

Когда стали меня выгонять, обижать, они меня переместили до Ленки-внучки, в хату, что купили на деньги за подтопление. Внучка ещё злей невестки оказалась, вытурила быстро. Сказала: «Отопительный сезон кончился — ушивайся, куда хочешь». Раньше надумала я поехать к дочке Тамаре, в Баку. Так это ж гроши нужны. И стала потихоньку собирать на дорогу. Прячь от Ленки под матрас. С каждой пенсии по-трошки, чтоб она не заметила. За восемь месяцев собрала 1550 рублей, как раз Путин прибавки давал, да я людям шила. А Ленка глазастая, схватила кошелек и вытрусилась из него деньги, стала шастать по кухоньке, перевернула постель.

«Ах ты, сука старая! Так ты гроши спря-

тала! А мы тебя поим-кормим?» Позвала свою мать Светку, и вдвоём стали меня дубасить и по телу обыскивать, в трусах, мама с дочей. Синяков надавали, до сих пор нога чёрна.

Клара стала ко мне боком и отвернула полу халата. На бедре её был страшный огромный синяк. И продолжила безысходным тоном:

— Били. Я начала кричать. Потом открыли шифоньер, выкидали всю мою одежду, все вещи на пол. Выпихали меня на улицу, в чём стояла. Соседи повыходили: дядя Ваня с женой Марией, Людмила Яковлевна. Подняли с травы, позвонили участковому. Тот отвёз меня в больницу. Мой сын на допросе сказал, сама я упала и разбилась об дорогу. Уже в уме не нормальная. Надо в психушке подлечить. А свидетелей-то нет, как я докажу?

— Что ж местные власти?

— Секретарша сказала: «Мы выплатили компенсацию за подтопление твоей внучке».

— А вы получали эти деньги?

— И не бачила. Люди кажут, что они получили за мою хату 150 тысяч. От хаты у меня остался только штамп прописки в паспорте, не догадались паспорт отобрать. А «домовую книгу» секретарша отвезла в райцентр, чтобы сжечь.

— А если вам вернуться в свою хату и там жить самой?

— Летом я заходила. Ленка с зятем огородом пользуются, в нём около 50 соток. Они проводку пообрывали, выключатели, с потолка — фанеру. Там ремонт теперь нужен, мне не по силам. Теперь я никто. Бомж на старости лет. Пошла в администрацию, сказала: «Я пойду у свою хату». Секретарша запретила: «Нельзя, не ходи, её на днях сгорнут — не сегодня-завтра бульдозером. За неё деньги выданы». А куда мне деваться? Поехала до сестры Анны в Краснодар, три месяца у неё побыла, а она сама тоже болеет. Там мне плохо стало, ноги отекали, как колодки. Нигде мне места нету. И вернулась я назад, в участковую больницу. Лежала-лежала — ничего не могло, дел нету. Привезли меня сюда. Тут снимали снимки, взяли анализы, готовят на Краснодар, на компьютере обследовать. Будут смотреть почку, она болит. Били меня в то место. До сих пор и бок синий.

— А в дом престарелых не пытались устроиться?

— Я б и рада, но сказали: взнос требуется, шесть тысяч рублей. А где мне взять такую сумму? Вот таки дела.

Предо мною стояла обиженная и ограбленная Мать, никому не нужная, истратившая силы, смертельно больная. Разговор наш закончился. Всюду у неё был тупик, безысходность. Из палаты, чтоб поддержать сестру, вышла с палочкой Тамара Михайловна. Она поверила, что теперь пресса подключится, власти помогут, виновных накажут, бесцердечных родственников заклеймят или усовестят. Тем более что пообещал и один заместитель главы... (От автора: пообещал и тотчас забыл, хотя и уверял, что «здесь пахнет уголовным делом»). Пресса-то в моём лице подключится, но время упущено.

А Клара, попрощавшись со мной, ещё какое-то время не отходит от окна и всё смотрит, смотрит вниз, в больничный двор. И виновато проговаривается:

— Завтра в Краснодар заберут. Может, Вася придёт попрощаться? Может, не пропускают? Всё мне кажется, под деревом не он ли стоит?...

Где же ты, чужнолюбый Вася? Породившая и взрастившая тебя ждёт! Посмотреть на тебя хочет. И простить. Ибо помнит библейские слова о человеке: «Близкие его — враги его».

Я оглянулся: сердитая медсестра так и не пришла занять свой неприкасаемый стул.

Поэзия

ГЕНРИХ УЖЕГОВ

* * *

Давно ль звучали нежные слова
В аллее парковой, под шорох листопада,
Я помню всё. Любовь ещё жива.
Она лишь дремлет, как деревья сада.

А дни идут. И вот уже зима.
Укрыта льдом степная речка Ея,
Друг к другу тянутся озябшие дома,
Как-будто вместе будет им теплее.

Мороз на улице. Далёкий лай собак.
На небе звёзд мерцающие точки.
Ну, почему же получилось так,
Что мы опять грустим поодиночке?

Уже не манят дальние моря...
Шлифуют волны лапы якорей,
В морях Антарктики, где айсберги не
тают.
Корабль мой дом. Но я хочу скорей,
Увидеть край, где вишни зацветают.

Сейчас там распускается сирень,
Лазурный свет струится с небосвода,
Там ночь как ночь, и день похож на день,
И нет зимы полярной по полгода.

Мне хочется увидеть старый сад,
Погладить руки постаревшей мамы,
И что скрывать, я даже буду рад,
Услышать, как сестра терзает гаммы.

Уже не манят дальние моря,
Сидят в печёнках глупые пингины,
И снятся мне, наверное, не зря
Бескрайние российские равнины.

Я много сотен миль морских прошёл,
И в переделках жизненных не струшу,
Быть моряком, конечно, хорошо,
Но только сердце просится на сушу.

* * *

Я не менял домов и родин,
Не привлекался. Не имел.
От предрассудков был свободен,
И пресмыкаться не умел.

Не терся в коридорах власти,
Не покупал авторитет,
Не прятал, порванный на части,
Войну прошедший, партбилет.

Я был частицею народа
И в лихолетье чёрных дней
Всегда считал: моя Свобода –
Свобода Родины моей.

Матери

Жизнь земную мы делаем сами,
Сами новые ищем пути,
Только вот...возвращаемся к маме
Когда некуда больше идти

Только в юности ценим мы мало
Нежность добрых морщинистых рук,
А ведь только она, только мама
Наш единственный преданный друг.

Будет плохо – она пожалеет
Будет трудно – конечно, поймёт.
Кто ещё мир души отопреет
И растопит уныния лёд?

Кто подскажет, поддержит, поможет
В этом мире греха и вражды,
Кто ещё так бестрепетно может
Заслонить от грозящей беды?

А как трудно бывает и больно
Когда рядом её уже нет,
Словно душу теряешь невольно,
Словно гаснет за окнами свет...

Наши страсти пылают кострами,
Но на жизненном трудном пути
Мы всегда возвращаемся к маме
Когда некуда больше идти.

* * *

Мы живём, страдая и влюбляясь
Жизнь порой горька, как молочай,
Молодость уходит не прощаясь
Старость наступает невзначай.

Будущее прячется в тумане,
Прошное – за жизненной чертой,
Ну, а счастье? Счастье только манит
Как мираж прекрасно-золотой.

Мне трудно жить без нежности твоей...

Я выдержу часы душевной смуты,
И вереницу серых скучных дней,
Но знаю я, что ни одной минуты
Мне не прожить без нежности твоей.

Не надо мне ни солнечного неба,
Ни яхт морских, ни белых журавлей,
Я проживу без денег и без хлеба
Но мне не жить без нежности твоей.

В любовной страсти трудно обмануться
И я могу довериться лишь ей,
Но если ты уйдёшь, чтоб не вернуться,
То я умру без нежности твоей.

А всем ли на руси живётся хорошо?

*«Трудно жить народу
На Руси святой...»*

Были мы когда-то в силе,
Но случилась вдруг беда,
Как грибы по всей России
Расплодились господа.

Жить труднее год от года
Всюду цепи и замки
Есть хозяин у завода,
Есть хозяин у реки...

За грибами утром рано
В лес пошёл я, как привык,
Шаг ступил, а здесь охрана:
- Ну, куда ты прёшь, старик?

- Да, ребята, мне б грибочков,
Чтоб в кормёжке подсобить...
- Убирайся, дед, и точка,
Или морду будем бить.

- На счету здесь даже палка
Даже камень – монолит,
Пропустить тебя не жалко,
Но... хозяин не велит.

Я ушёл, едва не плача,
Чтоб охрану не гневить, -
- Может, лучше порыбачить
Или раков половить.

Взял я удочку у свата,
Взял наживку и сачок
Вышел к речке. Здесь ребята.
- Что забыл, боровичок?

Парни смотрят очень строго
Кулаками шевеля,
- Уходи ты, ради Бога,
Или спустим кобеля.

- Что стоишь как чудо-юдо,
Здесь тебе не кинозал,
Убирайся, дед, отсюда,
Так хозяин приказал.

Плюнул я на это дело:
- Ты уж, Господи, прости,
Жизнь такая надоела
Надо вешаться идти.

Дома я зажгё лампадку,
Кошке мяса накрошил,
И пошёл в лесопосадку
Где повеситься решил.

Выбрал, дерево не глядя,
Ветку толстую нашёл,
Вдруг как гром: - Послушай, дядя,
Ты зачем сюда пришёл?

- Мы за это нарушение
Можем шкуру повредить,
Здесь нельзя без разрешенья
Даже мимо проходить.

Что тут сделаешь? Я, плача
Поспешил к себе домой...
Вот такая беда,
Вышла давеча со мной.

* * *

Отмеряны мои земные вёрсты,
И я хочу в тот светлый мир уйти
Где птица счастья склёвывает звёзды
Со сказочного Млечного Пути.

Тот мир не всем доступен и понятен
Но я хочу остаться вечно в нём,
И раствориться в блеске лунных пятен
Чтобы светить их сказочным огнём.

И пусть хоть кто-то на моей планете
Через каких-то пару сотен лет
В минуту грусти вспомнит о поэте,
Который превратился в этот свет.

НЕМЫКИНА ОЛЬГА**Помолчим, дорогой**

Помолчим, дорогой... О высоком не надо...
Мы остыли – не в этом ли наша беда?
Видишь, нежность потерянно мечется
рядом,
Видишь, искренность прячется в томности
взгляда –
Сеткой фальши закрылась от нас навсегда.

Помолчим, дорогой... О высоком не будем...
Больно в углях копать и жар ворошить.
И на серой поверхности сжавшихся буден
Не родиться цветку и веселья не будет,
Как не будет, наверно, желания жить.

Помолчим, дорогой... О высоком не стоит.
Или, может быть... всё же... сначала начать?
Видишь, выюга меж нами не плачет, не воеет,
Видишь, сердце в тоске разболелось и
стонет –
Не вздохнуть..., не вспугнуть..., замереть...,
и молчать.

Хрустальная сказка.

Хрустальный парк, хрустальные поля.
Хрустальный свет застыл в хрустальной
луже.
В хрустальных одеяньях тополя,
Берёзы в шальях из хрустальных кружев...

Я оказалась в сказке ледяной
Как будто в сонном царстве Берендея.
Как будто я с хрустальной душой,
Боюсь разбиться и дышать не смею.

Чарует всё, плывёт хрустальный звон –
И невозможно спорить с непогодой!
И я смотрю, смотрю хрустальный сон,
Навеянный Божественной Природой!

ВЛАДИМИР РОМАНОВ**Адажио**

Закат, как капля крови на холсте,
ещё чуть-чуть и солнце в море канет,
и ночь меня на берегу застанет
на плитах пирса в полной темноте.

И, стоя на одной из этих плит,
сырой от брызг вечернего прибой,
в блаженном состоянии покоя
услышу, как адажио звучит...

Экспресс по имени Весна

Экспресс, что Весной называется,
промчится из марта в июнь,
а сердце всё мается, мается,
хоть разум твердит ему: «Плунь...»

Но сердце, оно ж неразумное,
к тому же – авитаминоз...
Как хочется в марево лунное
и нежного запаха роз!

И трель услышать соловьиную
из зелени, что так густа...
А вместо любви – ночка длинная
и мысли: «Эх-ма, суета...»

ОЛЬГА НИКОЛАЕВА**Важно, что б хоть кто-то понимал...**

Ты не откликаешься.
Не пишешь.
Тишины блокадное кольцо...
И осенний сумрак тёмно-рыжий
Ветер в небе кружит, как танцор.

Ты не откликаешься,
Не помнишь...
У судьбы жестокий трибунал.
Без любви – какая, к чёрту, помощь?
Важно, чтоб хоть кто-то понимал.

Я писала тебе... Я любила тебя

Я писала тебе обо всём окружающем.
Я звонила тебе, попадая к другим...
Я любила тебя, но на нашем пожарище
Только пепел сухой, да рассеянный дым.

Я писала тебе – ты один, понимающий.
Я хотела изжить ощущение вины.
Я любила, как дар, как судьбу, как товарища,
Как большую мечту, приходящую в сны.

Я любила тебя... Пусть не веришь ты,
знающий,

Что уходят не так...
Я – судьбе вопреки,
Разыгравшись с огнём – получила пожарище,
И звонки без ответа. Пустые звонки...

Тихорецк

Планета по имени Нина

«Поэты одиноки, как планеты, поэтов так же мало, как планет», — вспомнил я слова Владимира Фирсова, вчитываясь в только что полученную мною книгу «Холодное время» большого кубанского поэта Нины Никитичны Хрущ.

Большой поэт... «Кому быть живым и хвалимым, кто должен быть мёртв и хулим...» — начал я, было, цитировать Б. Пастернака, но подумал о том, что в мире «муз и граций» ситуация во все времена, практически, одна и та же. Кому-то в бытке достаётся «административного ресурса», т.е. чиновничьего благоволения. А кто-то (тоже ведь большой поэт!) вынужден в одиночестве и полузабвении «прорасти у поля», ощущая себя в одном ряду «с сирями, убогими, пропащими».

Быть камертоном нынешнего, резко расколовшегося на две непримиримых ипостаси времени — поистине «распятию равная магия» (В. Маяковский).

С одной стороны, «в провинции положено издревле Отстраивать, молясь, монастыри И возрождать забытые деревни» (хотя и для этого, пожалуй, у провинциального люда не всегда достанет силёнок), а с другой стороны:

«...дальний мир так чопорен и строг,
Бессмысленны и вера, и страданья.
Но с нами честь, достоинство и Бог,
И нежный свет любви из мирозданья».

Вот уж, поистине, планетарное ощущение себя частью вселенной, от которой (но не от людей же, «что не верят слезам») только и остается ждать тепла и сострадания.

Но истинно русского поэта от родной земли не оторвать, особенно если этот поэт живет в глубинке, связанный с нею всеми корнями.

Что ему до того, что «Москва то празднует, то пляшет — Страна живет своей судьбой», — ведь главное, что «Мужик в глубинке землю пашет, не ищет радости иной»;

Здесь не проходит жизнь впустую —
Земли холодной нет родней.
Увидев красоту земную,
Обрадуется и заплачет с ней.

Душа поэта тоже плачет вместе с родной землей, ибо время большой поэзии, время истинных провидцев и пророков уходит в прошлое, и их, к великой нашей печали, тоже можно отнести к «позабытому воинству века», как того инвалида Великой войны с флагом на костыле, что пытается прожить на милостыню, поя под гармонь на базаре.

Не глазами ли подобных калек и изгоев во все времена «Русь глядела сквозь вечную синь — было в ней беззащитное что-то»?

Поэзия Нины Хрущ настолько искренна, органична и неподдельна, настолько насыщена её живой душой, полной смятения и боли, что хочется не столько писать о её стихах, сколько их цитировать:

Будем жить, выбиваясь из сил,
На восходе жестокого века,
У подножья церковей и могил,
Чтоб увидеть лицо человека.
И, связав на суровом пути
В крепкий узел житейские звенья,
Так сумеем по жизни пройти,
Чтоб не кануть в пучину забвенья.

Новая книга поэта довольно объемна: в ней есть и «переложения» из Горация, и берущий за душу лирический разговор с речкой Аше, и многое другое, о чем хотелось бы рассказать, ибо всё это превосходно написано.

Но я надеюсь, что каждый читатель сам будет находить в сокровищнице Нины Хрущ то, что ему покажется наиболее близким и созвучным собственному внутреннему камертону.

Я же, всегда ощущающий духовное родство с Ниной Никитичной, хочу сердечно поздравить её с покорением очередной поэтической вершины и пожелать нового восхождения.

Валерий Клебанов

Нина Хрущ Звезда на небе будет лишней

Звезда на небе будет лишней,
Сорвётся ночью в тихий пруд,
Как поцелуй под белой вишней,
Как шамаханский изумруд.

И не таюсь я пред тобою,
Где шелестящая листва,
Пьяна под зорькой золотою,
Плетёт хмельные кружева.

Весь мир на грани пробужденья
Дремал, объятый тишиной,
И черно-белое скрещенье
Сияло в дымке меловой.

Мельканье мошек над цветами.
Гуденье шалое в крови,
Зашебетали за плечами,
Росой напившись, соловьи.

Серый ястреб кочует
В вечернем небе.
Для него заметна
И мыш-полёвка.
Хватит, дурью маяться,
Думать о хлебе, —
В этой жизни на всё
Есть своя уловка.
А мне осталось-то всего
Лет тридцать с гаком.
У меня есть всё: лист бумаги,
Комп, страница в рунете.
По утрам выгуливает меня собака,
Крепко держит на поводке,
Чтоб не сбежала я на рассвете.
Веду разговоры с пушистым котом,
Пью черный кофе.
Для кого-то, я ласточка,
Мегера, рыбка...
Всё простят мне великие «профи» —
Сами жили так,
Скрывая плач за улыбкой.

Молчу и, ни слова, ни слова...
И в этом права я стократ,
Ничто в этой жизни не ново —
Ни солнце, ни ветер, ни сад.
Гремящий котёл общежития,
Где щебет и трепет с утра —
Всё сшито суровой нитью,
Всё тронут жалом пера.
Кто сбил меня с толку, запутал?
Я знаю, что жизнь непроста,
Смотрю, — как смородина скупом
Слезам стекает с куста.
Запутала душу, мой Святой,
Не знаю, там день или ночь.
Всё пробую в ступе помятой
Слезу со смородой толочь.

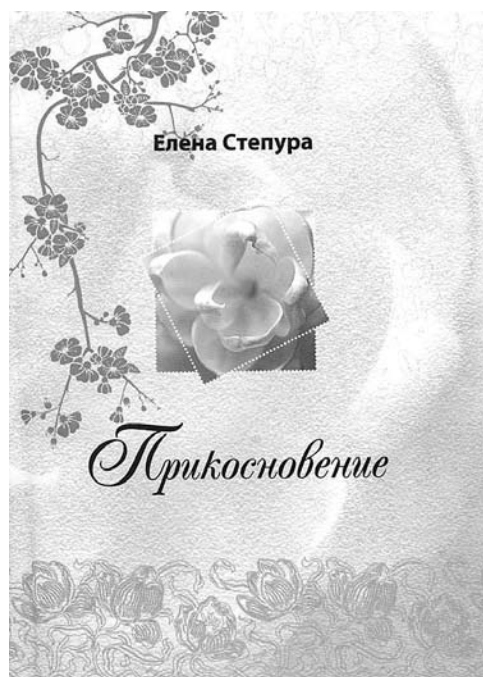
ЗАСУЕТИЛИСЬ ГРАЧИ

Засуетились грачи —
Строят для лапушек гнёзда.
Стали светлее ключи —
В них отражаются звёзды.

Мается в марте душа,
Выпив весенней водицы.
В небе, крылами шурша,
Кружат весёлые птицы.

Заголубел первоцвет —
Рано проснулся, родимый.
Думает думу поэт,
С небом, с землёй, неделимый.

Светлая льётся печаль
Горного, нежного света.
В эти мгновенья не жаль
Мне ни зимы и ни лета...

Прикосновение: сборник стихов / Елена Степура. — Краснодар: Советская Кубань, 2011. — 144 с.

Елена Степура

Рассвет зацепился за край облаков.
Горят фонари, удивляя прохожих,
И дворник остатки загадочных снов
Метлой выметает со спящих дорожек...

Ты дремлешь. Простуженный голос метлы
Тебя, мой родной, в ранний час не тревожит.
А я — у окна. Тени солнца светлы,
И луч сквозь ладони пробиться не может...

Огонь свечи горит в ночи
И греет душу,
Глядит доверчиво, молчит —
Умеет слушать.

Всё рассказать огню смогла
Увы, напрасно...
Бездушно догорев дотла,
Свеча погасла.

Солнце на землю упало —
В горы лучами вонзилось,
Жаром за лес зацепилось —
За день палить не устало.

Лица огнём обжигая,
На ночь прощаться не хочет...
Бликами травы щекоchet,
След золотой оставляя.

Иду с работы...
Снять туфли, что ли?
Смеётся кто-то:
Ведь здесь не поле!

Ступаю смело —
Асфальт горячий...
Душа запела —
Довольна, значит!

У ФОНТАНА

Налетают одна на другую
В диком танце волшебные струи,
Низвергают на гладь водяную
Силу жизни и удал шальную...

С солнцем спорят, лучи преломляя,
Завораживая, удивляя —
Рассыпаются звёздами рая,
Мне глаза твои напоминая...

БОЛЬ
Я одна, без тебя, и мне плохо.
До тебя и рукой не достать.
Ты сказал бы: — Ну что ты, дурёха?
Вытер слёзы и стал целовать.

Боль бы сжалась в комочек, как ёжик,
Покатилась из сердца клубком...
Жаль, что рядом сейчас быть не можешь
Ты сейчас далеко-далеко.

Кусочек неба синего
Глядит в моё окно...
Я вылечусь — я сильная,
Мне долго жить дано!

Судьба моя всесильная,
Ты с жизнью не шути:
Я вылечусь — я сильная.
Учти! Учти! Учти!

ЦИРК

Есть в нашей жизни милый уголок,
Где всё смешалось: радость и волненье,
Где громкий смех, восторг, и удивленье,
И музыки звенящий голосок.

Лишь здесь порой захватывает дух,
Когда летят под куполом гимнасты,
И тигры раскрывают свои пасти,
И скачет на свинье верхом петух...

Здесь Мир Чудес для взрослых и детей,
Всегда такой неповторимый, новый,
Он открывает двери для гостей —
Дарить улыбки и добро готовый.

Сегодня в цирке дремлет тишина —
Не слышно шуток клоуна смешного,
И публики бурлящая волна
Ушла, чтоб завтра появиться снова.

Счастье рядом плескалось —
Ничего не осталось...
Больше мне не напиться —
Испарилась водица...

Я верну его чары
И начну всё сначала!

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегирирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:

ПИ №ФС14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель — КРО СП России.

Издатель: ИП «Кириллица»

ИНН 213208979906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динька

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, Н. Ф. Иванов (Москва), Н. А. Ивеншев, Б. И. Лукин (Москва), Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка

и художественное оформление: А. Г. Прокопенко

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350065

г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах

www.sprosia.narod.ru

и Краснодарской краевой универсальной

научной библиотеки им. А. С. Пушкина

www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флер-1»

г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2

Заказ № 2667

Подписано в печать

в 10.00, 19.03.11 г.

Тираж: 1000 экземпляров

Цена свободная